

Горгола Е.В.

Доктор экономических наук, профессор

Кваша В.А.

Кандидат экономических наук, доцент

Военно-экономические проблемы сетцентрических стратегий XXI века

Рассматривается конфликт основных систем вооружения с применением систем РЭБ с односторонним формированием условий, описанный полумарковскими процессами. Оценено влияние параметров конфликтного процесса систем РЭБ на результирующий выигрыш в основном конфликте. Выявлены общие зависимости развития циклического конфликта при одной и двух альтернативах траекторий развития конфликта.

На рубеже XXI века в войне многонациональных сил НАТО и США против Югославии мало кто осознавал, что изменилось не только оружие войны, ее стратегия и тактика, но началась эпоха принципиально новых войн, новых стратегий национальной безопасности.

Накопленный как положительный, так и отрицательный опыт нашел своё отражение в новой «Национальной военной стратегии США», принятой в апреле 2004 г. В ней было отражено новое направление развития вооруженных сил страны на ближайшую и среднесрочную перспективу, описаны способы применения ВС в зависимости от военно-стратегической обстановки, силы и средства, необходимые для достижения превосходства над противником в военных операциях XXI века. В основе этой стратегии лежит полное превосходство над противником, которое достигается не за счет подавляющего перевеса в численности сил и средств, а за счет создания необходимых условий для более эффективного их действия даже в условиях недостатка сил.

И в том, что такая война уже ведется – сомнений нет. В жесткой форме они ведутся США в Ираке и Афганистане, готовятся в Иране и Сирии. В мягкой форме они были проведены в Косово, обрабатывались в Грузии, на Украине, Молдове. На постсоветском пространстве они явно направлены против России и ее интересов.

Сетцентричная война – это война, ориентированная на достижение информационного превосходства. Это концепция ведения военных действий, предусматривающая увеличение боевой мощи группировки объединенных сил за счет создания информационно-коммутиционной сети, связываю-

щей источники информации (разведки), органы управления и средства поражения (подавления), что обеспечивает доведение до участников операций достоверной и полной информации об обстановке практически в реальном масштабе времени.

Смысл военной реформы в рамках «новой теории войны» информационной эпохи состоит в создании мощной и всеобъемлющей сети, которая концептуально заменяет ранее существовавшие модели и концепции военной стратегии, интегрирует их в единую систему. Регулярная армия, все виды разведок, технические открытия и высокие технологии, журналистика и дипломатия, экономические процессы и социальные трансформации, гражданское население и кадровые военные, регулярные части и отдельные слабо оформленные группы – все это интегрируется в единую сеть, по которой циркулирует информация. Создание такой сети составляет сущность военной реформы ВС США.

Центральной задачей ведения всех сетевых войн является «совокупность действий, направленных на формирование модели поведения друзей, нейтральных сил и врагов в ситуации мира, кризиса и войны». Это означает заведомое установление полного и абсолютного контроля над всеми участниками актуальных или возможных боевых действий и тотальное манипулирование ими во всех ситуациях – и тогда, когда война ведется, и тогда, когда она созревает, и тогда, когда царит мир.

Внедрение сети представляет собой лишение стран, народов, армий и правительств мира какой бы то ни было самостоятельности, суверенности и субъектности, превращение их в жестко управляемые, за-

программированные механизмы, что означает прямой планетарный контроль – мировое господство нового типа, когда управлению подлежат не отдельные субъекты, а их содержание, их мотивации, действия, намерения и т.д. И враги, и занимающие нейтральную позицию силы, по сути, заведомо подчиняются навязанному сценарию, действуют не по своей воле. Это выигрыш битвы до ее начала. Цель сетевых войн – абсолютный контроль над всеми участниками исторического процесса в мировом масштабе. И здесь необязательны прямая оккупация, массовый ввод войск или захват территорий. Излишни армейские действия и огромные военные траты. Сеть – более гибкое оружие, она манипулирует насилием и военной силой только в крайних случаях, и основные результаты достигаются влиянием на широкую совокупность факторов – информационных, социальных и т.д.

Задачей сетецентрических войн для США является внушение всем мысли об откате и бессмысленности военной конкуренции с США. Сетевую войну ведут именно США и ведут ее против всех остальных стран и народов – как против врагов, так и против друзей и нейтральных сил. Установление внешнего контроля и внешнее управление действиями и есть порабощение – только в эпоху постмодерна оно оформлено в иные образы, нежели в индустриальную эпоху. Но сеть – это не что иное, как система ведения войны и военных действий, даже если она подается как благо. Эта война ведется против России и направлена, как и всякая война, на ее покорение, подчинение и порабощение, в каких бы терминах это ни преподносилось.

Совершенно очевидно, что российские спецслужбы, политические институты, системы обороны, силовые министерства и ведомства концептуально остаются в рамках стратегий эпохи модерна, индустриального общества. Такие структуры принципиально не способны не только эффективно справиться с вызовом постмодернистских сетевых технологий, но и корректно распознать сам факт их применения. Используемые сетевые технологии слишком тонки и рафинированы для устаревших систем функционирования спецслужб, которые беззащитны и со-

вершенно неэффективны против системных действий со стороны США.

Сегментами этой глобалистской сети выступает как прямое проамериканское лобби экспертов, политологов, аналитиков, технологов, которые окружают власть плотным кольцом, так и многочисленные американские фонды. Представители крупного российского капитала и высшего чиновничества естественным образом интегрируются в западный мир, где хранят свои сбережения. Средства массовой информации массированно облучают читателей и телезрителей потоками визуальной и смысловой информации, выстроенной по американским лекалам. И большинство этих процессов невозможно квалифицировать как действия «внешней агентуры», как это было в индустриальную эпоху. Технологии информационного века не улавливаются классическими системами и методиками индустриальных спецслужб.

Впервые за историю человечества и в поистине планетарных масштабах идеологическое, информационное, психологически-пропагандистское воздействие на противника, ранее являвшееся вспомогательным инструментом решения военно-политических задач, начало оспаривать у войны ее основную функцию – «продолжение политики иными средствами».

«Лабораторная» разработка и последующий вброс опасных для противника мировоззренческих и идеологических концептов, дирижирование движениями протеста и выступлениями деструктивных сект, создание «пярых колонн», манипуляция внутренней оппозицией, поддержка диссидентов и перебежчиков, политические убийства и перевороты – постепенно все это начало трансформироваться в новейшую форму ведения войны, оптимально соответствовавшую уровню развития индустриального общества в ядерную эпоху и требовавшую принципиально иной системы обеспечения национальной безопасности.

Крайнее удорожание традиционной военной техники и достижения ей предела возможностей требует от Пентагона поиска решений в сфере принципиально новых технологий, позволяющих ВС США воевать без потерь против любого противника. Этот

факт признал зампред ОКНШ генерал морской пехоты Джеймс Картрайт («Армия США стала слишком дорогой»). Он заявил, что «к 2015 году на службе останется по одному кораблю и самолету в Тихом и Атлантическом океанах и один космической корабль на околоземной орбите».

Дальнейшее повышение боевых возможностей традиционной боевой техники уже не является панацеей, поскольку параллельно происходит уменьшение количества этой техники из-за ее удорожания. И при столкновении с сильным противником ВС США не спасет даже успешная реализация концепции «сетевидной войны». «Боевые платформы» (бронетехника, авиация, корабли), представляющие собой ячейки этой самой сети, неизбежно будут выбиваться, разрушая таким образом саму сеть. Если «платформ» слишком мало, воевать вскоре станет невозможно. Особенно если противник обладает многочисленной, пусть и несколько менее совершенной, чем у США, техникой и высокой устойчивостью к собственным потерям.

Финансовый кризис может заметно повлиять на военное строительство в США. Океаны защищают США от внешнего вторжения, но они же создают проблему расстояний. Большинство потенциальных ТВД для ВС США сегодня находятся в Азии, то есть на противоположной относительно самих Штатов стороне земного шара. Соответственно, переброска и развертывание крупных группировок войск занимает длительное время и требует очень серьезных затрат.

Таким образом, если США столкнутся с противником, обладающим мощными, пусть и не очень высокотехнологичными, ВС, не готовым, подобно Ираку Хусейна и Югославии Милошевича, месяцами заморожено смотреть на то, как американцы перебрасывают и развертывают войска для проведения операции против него, который будет активно противодействовать переброскам и развертыванию, нанося удары по портам и аэродромам разгрузки, местам дислокации не полностью развернутых группировок, да еще и развернет собственное наземное наступление в тот момент, когда группировка ВС США будет слаба, у американской

армии могут возникнуть чрезвычайно серьезные проблемы.

Другая проблема американской армии до боли банальна: чем оружие сложнее и лучше, тем оно дороже. Концепция «сетевидной войны» подразумевает объединение в единую сеть всех «боевых платформ», то есть танков, БМП, самолетов, вертолетов, кораблей. В этом случае эффективность действий «платформ» возрастает даже не в разы, а на порядки. Но что делать, если нет самих «платформ»? Компьютерами ведь не повоюешь.

Нельзя не упомянуть о такой проблеме, как комплектование ВС. Если армия высоко развитой демократической страны комплектуется путем найма, то ведение войны высокой интенсивности, подразумевающей значительные собственные потери, возможно только в том случае, если общество полностью принимает эту войну как справедливую и отвечающую национальным интересам. В противном случае армия стремительно люмпенизируется, при этом, тем не менее, стоимость содержания личного состава существенно возрастает (потому что даже люмпен идет служить только за очень большие деньги).

В условиях глобального финансового кризиса необходимость сокращения военных расходов становится для США очевидной. Что в свою очередь будет означать уменьшение глобальных амбиций или принципиальное изменение способа их реализации. Как минимум Америка должна будет признать, что в мире есть довольно много стран, на которые она не может оказывать силового давления.

При этом, впрочем, никогда нельзя исключать варианта технологических прорывов, которые каким-либо образом позволят ВС США воевать практически без потерь против любого противника. В Америке в новые технологии ведения войны вкладываются колоссальные средства, что вполне может дать требуемый эффект. Будет ли Барак Обама, вступив в должность президента, экономить и на этом или, наоборот, перераспределит средства в пользу развития перспективных технологий – это, видимо, и есть главный вопрос, на который предстоит отве-

тить новому президенту США в сфере военного строительства.

Кроме того, на концах сети находятся всё те же «боевые платформы» – самолёты, танки, корабли. Хотя реализация концепции сетецентрической войны в разы, если не на порядки, повышает эффективность их применения, платформ всё равно нужно много. А они, как известно, имеют свойство вырабатывать свой ресурс. И нужно ещё очень много денег, чтобы покупать новые платформы.

Удары по Югославии в 1999 году были не только проверкой в боевых условиях американской глобальной информационно-управляющей вооруженными силами системы применительно к ведению сетецентрических войн с целью отработки задач взаимодействия войск и обучения личного состава. Эта система обеспечивала централизованное управление в реальном времени действиями вооруженных сил США как в крупномасштабных войнах, так и в региональных конфликтах с учетом их военно-экономических целей.

Силами США и НАТО была создана мощная группировка космических средств различного назначения в количестве 50 спутников, из которых 8–12 постоянно находились над Югославией. Они непрерывно вели оптическую, радиолокационную разведку, участвовали в осуществлении управления, навигации и связи. Крылатые ракеты воздушного и морского базирования поражали цели на дальностях 200–800 км от рубежей пусков. Эти ракеты наводились на объекты экономики с помощью космической навигационной системы GPS, и их полет к целям осуществлялся в режиме полного радиомолчания. На конечном участке полета в районе цели на головной части ракеты включалась оптическая система для точного наведения на конкретную критическую точку объекта.

Основные усилия систем высокоточного оружия США и НАТО были направлены не на уничтожение живой силы, вооружения югославской армии, а на разрушение военных объектов и объектов экономики. Югославская же армия была не способна участвовать в бесконтактной войне, являющейся продолжением сетецентрической, и не пред-

ставляла для НАТО никакой угрозы и интереса. Для нанесения ударов примерно по 900 объектам экономики Югославии были использованы 1,2–1,5 тыс. высокоточных крылатых ракет. В ходе войны только крылатыми ракетами воздушного и морского базирования были полностью разрушены нефтеперерабатывающая промышленность, наполовину – индустрия боеприпасов, на 70% – авиационная промышленность, а также 40% танковой и автомобильной промышленности, 40% нефтехранилищ, 70% автомобильных и железных дорог.

Сейчас США продолжают строительство глобальной информационно-навигационной системы, которая будет базироваться на двух сотнях искусственных спутников Земли и решать задачи разведки, управления войсками и наведения высокоточного оружия. Высокими темпами осуществляется создание запаса крылатых ракет, позволяющих без использования ядерных средств вывести из строя не только экономику и вооруженные силы, но и нанести ощутимый удар по средствам ядерного сдерживания, имеющимся у России.

Соединения армии США, участвовавшие в иракской войне 2003 года, вступили в бой без тыла, без заблаговременной разведки, но боеприпасы и топливо поступали в основном именно тогда, когда требовалось, а растянутые коммуникации не влияли на снабжение сражающихся войск. Такие действия американцев упреждали действия иракской армии и привели ее к поражению. Вооруженные силы США на практике провели сетецентрическую (сетевую) войну и выиграли ее.

Практическая реализация концепции сетецентрической войны в России невозможна без эффективного решения вопросов создания трех ключевых компонент:

- сверхнадежной коммуникационной среды, обеспечивающей эффективное функционирование на ее основе компьютерных сетей войсковых формирований и их объединение в глобальную информационную сеть ВС РФ;

- распределенной в пространстве группировки управляемых, достаточно информативных, надежных, долговечных и малоза-

метных для противника средств разведки, объединенных в общую компьютерную сеть;

– распределенной программной среды, обеспечивающей в жестком реальном времени комплексную многоуровневую интеллектуальную обработку потоков малоинформативных в отдельности (а зачастую еще и противоречивых) первичных сведений о проявлениях объектов, а также позволяющей, при необходимости оперативно изменять логику этой обработки по мере изменения состава и возможностей средств разведки, получения новых знаний о контролируемой группировке и т.п.

Каждая из названных компонент предполагает огромные военные расходы, которые, в свою очередь, становятся условием их реализации.

К сожалению, мало кто занимается в настоящее время военно-экономической проблематикой сетевых стратегий и противодействия им США реально работают над ее осуществлением.

По нашему мнению, военно-экономическая составляющая военно-политической стратегии XXI века должна включать разработку следующих проблем:

– обоснование военных расходов в условиях обеспечения готовности к противодействию и ведению сетевых войн;

– обоснование ГПВ с учетом перспективы реализации сетевых стратегий;

– обеспечение военно-экономической безопасности объектов экономики, в первую очередь, военной экономики в смысле:

а) информационной безопасности;

б) технологической и технической безопасности;

в) обеспечение устойчивости ресурсного обеспечения военного производства;

г) защиты от ударов высокоточного оружия, средств разведки и целеуказания;

– обоснование военно-экономических аспектов внутри- и внешнеполитических стратегий противодействия сетевых агрессии;

– изучение опыта военно-экономического обеспечения сетевых войн;

– анализ оптимизационного влияния сетевых стратегий на сохранение расходов на чисто военную составляющую

могущества государства и тотальной мобилизации экономической, политической, культурной и др. сфер жизни общества для достижения целей мирового господства;

– необходимость ускоренной разработки военно-экономических методик обоснования управленческих решений при реализации мероприятий сетевых стратегий, в частности:

а) разработка технологии тылового и технического обеспечения войск в условиях сетевой войны или противодействия ей;

б) обоснование состава, структуры, объемов и размещения запасов ресурсов для организации обеспечения сетевых операций и противодействия им;

в) военно-экономическое обоснование военно-кадровой политики с учетом реализации сетевых стратегий;

– переосмысление методологических аспектов организации и функционирования экономики национальной безопасности государства в условиях угрозы сетевых войн и борьбы агрессора за мировое господство.

Так что бессмысленно заниматься «обновлением облика» вооруженных сил, если не представлять себе «облика будущей войны». Ее решающие сражения будут происходить в информационной и экономической, а не физической сфере. Столкнувшись с противником, использующим все преимущества сетевых подходов к ведению войны, наши части постоянной готовности могут оказаться «слепыми» и беспомощными перед лицом мощного, но невидимого врага.

По планам Пентагона, к 2015 г. треть всех боевых машин на поле боя будет представлять собой роботов. Главным действующим лицом на поле боя будущего станет оператор компьютера. Только в сухопутных войсках США на эти цели уже потрачено 230 млрд. долл.

Россия сегодня может оказаться в стороне от прорывных разработок в сфере военных информационных и цифровых технологий. Сокращается число военных вузов и НИИ, разрушаются военно-научные школы, уничтожается военная экономика как наука и как институт высшей военной школы, игнорируется мировой опыт. Сегодня недостаточно иметь самый совершенный танк, са-

мый быстрый истребитель или самую мощную ракету. Победит в войне будущего тот, кто сможет эффективно, с использованием сетевых методов управлять всем комплексом имеющихся (и не обязательно самых передовых) наземных, воздушных,

морских, космических и информационных вооружений, кто сумеет максимально эффективно мобилизовать все имеющиеся виды ресурсов, в первую очередь, экономические.

